

Чугаев Николай Валентинович
Пермский военный институт войск национальной гвардии РФ
г. Пермь, Российская Федерация
aegolios@yandex.ru

К вопросу о формах косвенных падежей в памятнике деловой письменности середины XVIII в.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности форм косвенных падежей в деловом памятнике середины XVIII в. – «Столпе приходного денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году» (далее – «Столп»). Анализируется протекание процесса унификации форм множественного числа в дательном (Д.), творительном (Т.), местном (М.) падежах, вариативность форм Д. и М. падежей единственного числа, обусловленные распространением влияния *й*-основ на продуктивный класс *ѡ*-основ, а также соотношение орфографических вариантов флексий *-е* и *-ѣ* в Д. и М. падежах. Используются сопоставительный и количественный методы, за основу методики взят подход В. М. Живова. Наиболее показательным результатом в ходе «а-экспансии» является нестандартное распределение продвижения флексии на *-а* в разных падежах $L > D > I$, а также почти равновесное положение старых и новых форм. Генитивная флексия на *-у* ожидаемо употребляется в существительных с несобственно конкретно-предметным значением (значением отвлечённого действия или его результата, причём преимущественно в односложных девербативах или их производных; вещественно-собирательном значении, пространственно-местным значением). Кроме того, в «Столпе» обнаруживается дублетность форм на *-у* и *-а* в генитиве, а также ряд форм указанных выше лексико-семантических групп с окончанием *-а*. Утверждение новых форм локатива на *-у* для существительных мужского рода отражается слабо, главенствующей остаётся форма на *-е*/*-ѣ*, причём флексии на *-ѣ* и на *-е* в Д. и М. падежах встречаются почти одинаково часто, притом что *-ѣ* в основах употребляется значительно реже, что свидетельствует о закреплении написания *-ѣ* за определённым грамматическим показателем.

Ключевые слова: история языка XVIII в., историческая морфология, косвенные падежи, а-экспансия, деловая письменность

© Чугаев Н. В. 2025

Для цитирования: Чугаев Н. В. К вопросу о формах косвенных падежей в памятнике деловой письменности середины XVIII в. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 180–192. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-180>

Nikolai V. Chugaev
Perm Military Institute of National Guard Troops
Perm, Russian Federation
aegolios@yandex.ru

On the question of the indirect cases' forms in the XVIII century business written records

Abstract

The article examines the indirect case forms in the XVIII century business written records “Столп приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году” (“Столп” – Collection of Pyskor factory office documents on cash receipts in 1741). The focus is made on (i) the process of plural forms unification in D. (Dative), I. (Instrumental), L. (Locative) cases, the variability of the forms of D. and L. singular as a consequence

of ū-stems influence on the productive class of ō-stems, (ii) the number of -e-ending and -ĕ-ending spelling variants in D. and L. During the study, comparative and quantitative methods were applied within V. M. Zhivov's approach. The most significant finding in the course of the "a-expansion" was the non-standard distribution L>D>I of the a-ending spread in different cases, as well as almost equal number of coexisting old and new forms. As expected, Genitive (G.) ending was used in nouns with an inappropriate concretely objective meaning of an abstract action or its result (mainly in monosyllabic deverbatives or their derivatives), of a real-collective meaning or a spatially local meaning. Additionally, the study found doublet forms with -y- and -a-endings in G. and a number of forms with the -a-ending. New locative forms with -y-ending for masculine nouns are poorly reflected, the form with -e/-ĕ-ending remains dominant, and the endings -ĕ and -e in D. and L. are almost equally common despite letter "ĕ" being used much less frequently in the stems, which indicates the consolidation of the letter "ĕ" for a certain grammatical indicator.

Keywords: history of the XVIII century language, historical morphology, indirect cases, a-expansion, business written record

© Chugaev. N. V. 2025

For citation: Chugaev, N. V. (2025). K voprosu o formakh kosvennykh padezhey v pamyatnike delovoy pis'mennosti serediny XVIII v. [On the question of the indirect cases' forms in the XVIII century business written records]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 180–192. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-180>

1. Введение [Introduction]

Русские письменные памятники являются надёжным источником изучения языка определённого периода. Между тем часто скорописные памятники, трудные для доступа и прочтения, являются неопубликованными и хранятся в провинциальных архивах. Извлечение и анализ таких материалов представляет интерес не только для лингвистов, но и для историков, экономистов и представителей других гуманитарных специальностей. Из последних работ, выполненных в рамках изучения письменных памятников, можно отметить статью Е. Ю. Попова, выполненную в аспекте исторической лексикографии на материале документов приенисейской Сибири XVII века [Попов, 2024], а также статью Е. С. Баландиной, выполненную в аспекте комплексного разноуровневого анализа оценочности на материале историко-географических очерков XIX в. [Баландина, 2024]. Настоящая статья касается некоторых аспектов русской исторической морфологии, а именно – процесса унификации форм множественного числа существительного.

К. В. Горшкова рассматривает формирование числовых парадигм славянских языков в аспекте взаимодействия словоизменения и словообразования [Горшкова, 1978]. Тот же автор в совместной с Г. А. Хабургаевым работе рассматривает унификацию форм множественного числа существительных, определяя как наиболее существенный фактор этой унификации сокращение разнообразия флексий после падения редуцированных гласных и последовавшее за этим стремление к единообразию показателей множественного числа различных словоизменительных классов [Горшкова, Хабургаев, 1981]. М. В. Шульга и С. И. Иорданиди в качестве одного из важнейших факторов развития категории имени называют изменение семантики различных грамматических форм в зависимости от развития грамматической категории рода и упрощении системы падежных противопоставлений [Шульга, 1988 ; Иорданиди, Шульга, 1981 ; Иорданиди, 1991]. В. М. Марков описывает историю семантики падежных окончаний имён существительных [Марков, 1974]. Наконец, В. М. Живов производит количественный анализ соотношения старых и новых окончаний на материале памятников письменности различных жанров и языковых регистров на широком временном отрезке и приходит к выводу о степени продвижения «а-экспансии» в различных падежах [Живов, 2004].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В настоящем исследовании для описания этого процесса принимается терминология и методика В. М. Живова, согласно которым степень «а-экспансии» в дательном (Д.), творительном (Т.) и местном (М.) падежах определяется численным соотношением форм в конкретном памятнике.

М а т е р и а л о м для исследования послужили формы существительных, извлечённые методом сплошной выборки из памятника деловой письменности XVIII в. – «Столпа приходного денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году» (далее – «Столп»), изученного и изданного автором настоящей статьи [Столп..., 2016].

За основу методики взят подход В. М. Живова, наиболее полно изложенный в «Очерках исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков». Целесообразность применения этого подхода на данном материале продиктована тем, что В. М. Живов рассматривает «а-экспансию» прежде всего на материале печатных изданий, не затрагивая провинциальные деловые памятники. Между тем, на материале «Столпа» этот подход даёт неожиданные результаты. В рамках данного подхода используются количественный и сопоставительный методы, суть которых состоит в количественной оценке сплошной выборки словоформ со старыми и новыми падежными окончаниями и расчёт их соотношения «внутри» одного падежа, а также оценке степени продвижения окончаний на а- в различных падежах. Кроме того, с тех же позиций проанализированы альтернативные флексии генитива (Р.) и локатива (М.) единственного числа.

Всего было проанализировано 363 словоформы со старыми и новыми окончаниями Д., Т., М. падежей, 1432 словоформы генитива и 435 альтернативных флексий локатива. Кроме того, отдельно учитывались включения соответствующих окончаний в клишированных конструкциях: те же расчёты производились без учёта клишированных форм.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Уровень распространения а-экспансии в различных падежах [Level of a-expansion in different cases]

Данные о соотношении словоформ старой и новой парадигм существительных в «Столпе» представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Уровень «а-экспансии» в «Столпе», абс. ед.
[Table 1. Level of “a-expansion” in “Столп”, abs.]

		М.р. *о-скл.	М.р. *ю-скл.	Ср.р. *о-скл.	Ср.р. *ю-скл.	М.р. С. скл.	М.р. *i-скл.	Ж.р. *i-скл.	Всего
Д.п.	-ом/-ем	38	54	-	1	6	2	-	110
	-ам/-ям	83	32	6	6	-	-	1	129
Т.п.	-ы/-и	12	42	-	-	-	-	-	60
	-ами/-ями	7	-	1	1	-	-	-	9
	-ми	-	-	-	-	-	-	-	1
М.п.	-ех/-ѣх	6	3	4	1	1	-	-	15
	-ах/-ях	29	5	5	-	-	-	1	39

Новые флексии в Д. п. употребляются в словах м. р. *о-склонения: по сортам, по счетам, годам (3), документам (54), по допросам, заводам (10), мастерам (6), плател-

щикам, подмастерьям, подрядчикам, реестрам (реэстрам) (2), розсыльщикам (розылщикам) (2), рудоразборщикам (2), саксонцам (соксонцам) (2) – и *јо-склонения: служителям (29), просителям. В среднем роде новые окончания *о-склонения представлены формами делам (5), числам, *јо-склонения – по доношениям (3), по определениям (2). В *і-склонении употребляется форма ж. р. лошадым.

В Т. п. флексия *-ами* фиксируются у слов м. р. *о-склонения: документами, заморозами, копеистами, розсылщиками, рудоразборщиками, зборщиками, счетами.

В ср. р. новые окончания имеют формы *о-склонения (з делами) и *јо-склонения (ответствиями).

В М. п. окончания *-ах* встречаются в словах м. р.: анбарах, вычетах, заводах (6), мехах (2), припасах, реестрах и реэстрах (2), в репортах (8), расходчиках (росхотчиках) (2), рудниках (5), м[е]с[я]цах (2), окончания *-ях* – в словоформах в камнях, на куренях. Ср. р. представлен формами в делах, местах, сумнительствах (2), в лицах. В ж. р. склонения с древней основой на *і зафиксировано слово лошадым.

В Д. п. старое окончание *-ом/-ем* представлено в словоформах документом (5), крестьяном (6), купцом, (по) окладом, (по) подрядом, припасом, рудоразборщиком (6), салдатом (6), (к) сотником, указом (11), учеником (3), (по) экстрактом (3), доношением, людем (2), служителем (53).

В Т. п. старые окончания встречаются в формах (с) товарищи (42), (за) вычеты, меж дворы, документы (7), (с) копеисты (3), а в М. п. – в формах годех (6), (по) крестьянх, м[е]с[я]цех (3), числех (4), (во) строениех.

Таким образом, процентное соотношение старых и новых форм оказывается почти равным: 49% старых окончаний и 51% новых окончаний. Подобное соотношение нехарактерно для большинства памятников XVIII в., рассматриваемых Живовым. Оно обнаруживает лишь неполное соответствие (55,77% новых флексий) с книгой «История Петра Великого» Феофана Прокоповича, характеризующей Живовым как памятник, тяготеющий к гибридной традиции, но устраняющей приметы книжности [Живов, 2004, с. 280].

Определённую проблему при расчёте уровня «а-экспансии» представляют словоформы, употребляющиеся многократно в устойчивых сочетаниях. Если исключить из рассмотрения часто встречающиеся в составе клишированных выражений лексемы документом (5) / документам (54), служителем (53) / служителям (29), с товарищи (42) (при отсутствии с товарищами), то таблица 2 принимает следующий вид:

Т а б л и ц а 2. Уточнённый уровень «а-экспансии», абс. ед.
[Table 2. Refined level of “a-expansion”, abs.]

		М.р. *о-скл.	М.р. *јо-скл.	Ср.р. *о-скл.	Ср.р. *јо-скл.	М.р. С. скл.	М.р. *і-скл.	Ж.р. *і-скл.	Всего
Д.п.	-ом/-ем	33	1	-	1	6	2	-	43
	-ам/-ям	29	3	6	6	-	-	1	45
Т.п.	-ы/-и	12	-	-	-	-	-	-	12
	-ами/-ями	7	-	1	1	-	-	-	9
	-ми	-	-	-	-	-	-	-	0
М.п.	-ех/-ѣх	6	3	4	1	1	-	-	15
	-ах/-ях	30	3	5	-	-	-	1	39

Удаление клишированных элементов меняет количественное соотношение форм: доля старых окончаний сокращается до 43% против 57% новых.

Тем не менее, и соотношение на уровне 49% старых окончаний (т. е. с учётом клишированных элементов), и соотношение на уровне 43% старых окончаний (т. е. без учёта этих форм) свидетельствуют об усилении «а-экспансии». Такое соотношение, по данным Живова, характерно для некнижных, ненормированных текстов XVIII в., в основном для частной переписки этого периода. Для некнижных текстов XVII в. (и более раннего времени) был характерен невысокий уровень «а-экспансии» (от 10 до 30%) [Живов, 2004, с. 284].

Важной характеристикой «а-экспансии» является соотношение её проявления в разных падежах. Как с учётом клишированных форм (первое число), так и с их изъятием (второе число) соотношение это выглядит как $L(73\%/72\%) > D(56\%/51\%) > I(14\%/43\%)$. Как видно, наибольшее значение старые клишированные формы имеют в Т. п., что свидетельствует об отставании «а-экспансии» в этой падежной форме. Причина такого отставания видится в разноструктурности (и неравносложности) флексий *о- и *а-основ. В то же время окончания Д. п. и М. п. одноструктурны и равносложны, причём окончания *-ам* и *-ах* обладают единым плюральным показателем в отличие от окончания *-их / -ех / -ѣх* и *-ом / -ем* *о-склонения. Таким образом, преимущества новой системы флексий перед старой определяет унификацию окончаний.

Соотношение $L > D > I$ не входит в стандартную схему Живова: сопоставимые по количеству новых форм памятники имеют нейтральный (т. е. общий для книжных и некнижных текстов [Живов, 2004, с. 316]) порядок распределения старых и новых флексий по падежам $L > I > D$ [Там же, с. 288].

В нашем случае наибольшее продвижение форм *а-основ в М. п. свидетельствует об отсутствии стремления к нормализации. В. М. Живов считает, что нормализация свойственна текстам с древнейших времён, однако нормализация, характерная для средневековых восточнославянских текстов, имеет ряд особенностей по отношению к нормализации в современных литературных языках. В частности, нормализационная интенция не приводит к замещению всех неправильных, с точки зрения пишущего, вариантов правильными [Живов, 2004, с. 45]. В. М. Живов также считает, что такие нормализационные установки сохраняются вплоть до начального этапа формирования литературного языка нового типа, до 1720-х гг. [Там же, с. 47]. В отношении «а-экспансии» нормализационной установкой будет стремление к сохранению старых окончаний. Отставание «а-экспансии» в Т. п. имеет аналог в Мазуринской летописи – памятнике гибридного языка [Живов, 2004, с. 297].

2.2.2. Соотношение альтернативных флексий генитива [The ratio of alternative G. endings]

Другой ключевой проблемой истории русского языка, как известно, является соотношение вариантов форм Р. п. ед. ч. существительных м. р. [Горшкова, Хабургаев, 1981, с. 163–164; Марков, 1974, 47–48; Шахматов, 1957, с. 240–248; Шульга, 2003, с. 187–202].

В памятнике встречается параллельное употребление форм генитива м. р. на *-а* и *-у*, однако число форм с флексией *-а* значительно больше, чем форм с *-у*. Среди первых можно выделить ряд групп:

1) имена людей и топонимы: *Бориса, Василья, Велгорта, Геннина* (2), *Дементья* (3), *Ивана* (14), *Киргнера* (2), *Кирилла, Кирхнера* (3), *Лариона* (6), *Мирона* (2), *Михаила* (2), *Осипа, Павла, Петра* (6), *Романа, Рядикора* (3), *Самуила, Семена* (8), *Спиридона, Степана, Тараса, Тихона, Федора* (8), *Федота* (2), *Фотей* (4), *Якова* (16);

2) названия месяцев и сам родовой термин: *месеца, августа* (29), *апреля* (63), *генваря* (52), *декабря* (95), *июлиа / июля* (2), *июниа* (2), *маиа / мая* (27 / 45), *марта* (63), *ноября* (58), *октябрия* (39), *сентября* (42), *февреля* (62);

3) наименования лиц по профессии или социальному статусу: *гитенфорвалтера / гитенворвалтера* (2), *господина генерала-майора, господина генерала-порутчика, сборщика* (17), *кондуктора / кандуктора* (3), *капитана, крестьянина* (5), *купца, мастера* (3), *шихтмейстера* (3), *гитенмейстера, ундершихтмейстера* (5), *писца* (8), *подканцеляриста* (9), *подрядчика* (3), *порутчика* (3), *пробирищика, разсылищика, рекрута, розсылищика* (42), *розсылищика, рудонощика, рудопоказателя, рудопромышленника, сотника* (3), *сына* (4), *оборштейгера, целовальника* (21), *ундершихтмейстера* (13), *шихтмейстера / шехместера 2, оборштейгера* (4), *надзирателя* (13), *пономаря, секретаря, управителя* (5).

Кроме того, окончание *-а* употребляется в различных группах конкретных существительных *короба* (2), *сундука* (2), *пуда* (33), *рубля* (39), *фунта* (12), *бергамта, обербергамта* (8), *дня* (335), *журнала* (7), *пункта* (3), *штрафа, устава* (4), *векселя / вексия* (4/3).

Окончание *-у* зафиксировано у следующих слов:

1) обозначающих место: *заводу* (12), *стану* (55), *уезду* (11); заметим при этом, что слово *стан* односложно, а два других слова образованы с помощью префиксации от односложных deverbatивов; именно эти категории слов, по данным М. В. Шульги, систематически получали в генитиве окончание *-у* [Шульга, 2003, с. 192];

2) отглагольных существительных, обозначающих процесс: *сплаву, приему* (3), *приказу, приходу, провозу* (2), *долгу, окладу, сбору, счету* (2), *торгу*;

3) названий сыпучих веществ: *шлаку, песку* (3), *пороху* (4), *солоду* (24) (в этом случае, очевидно, проявляется партитивное значение Р. п.).

Вызывает интерес употребление окончания *-а* в группах существительных с пространственно-местным значением: *анбара, завода, монастыря* (6), *рудника, погоста* (3), в отглагольных существительных со значением действия и его результата *росхода, воза*, и в словах с вещественно-собирательным значением *овса* (4), *угля* (3), а также употребление с флексией *-у* форм *регистру, десятку*, не относящихся к перечисленным лексическим группам, обычно имеющим эту флексию.

Дублетность формы генитива привлекала внимание исследователей. А. А. Шахматов выделяет три группы существительных, у которых встречается окончание *-у* в генитиве: «означающие вещество или собрание предметов»; «означающие местность, место»; «означающие отвлечённое понятие» [Шахматов, 1957, с. 241]. В. М. Марков главенствующую роль в распространении окончания *-у* отводит «разноосновным существительным с отвлечённым и вещественно-собирательным значением» [Марков, 1974, с. 49]. М. В. Шульга выделяет в качестве основного признака, различающего генитив на *-у* и на *-а* категорию исчисляемости / неисчисляемости [Шульга, 2003, с. 192–197].

Наконец, у ряда слов употребляются оба окончания. Варианты слова *правиянт* оказываются контекстуально обусловлены. Форма *правиянту* употребляется в стандартных формулах *ропись правиянту* (заголовок в росписях о проданных заводским служащим и крестьянам казённых продуктах), а также в формуле *роздано мною оным служителем за деньги разного правиянту*. В первой формуле форма на *-а* не встречается, во второй формуле параллельные формы сосуществуют в отношении 1 к 1: *правиянта* (13) / *правиянту* (13). Кроме того, форма *правиянта* встречается в свободных сочетаниях: *покупка правиянта* (9), *взято правиянта* (2), *велено купить правиянта, куплено провиянта, о приходе и росходе правиянта, взять с того утраченного правиянта, для содержания правиянта*.

Слово *указ* в основном употребляется с окончанием *-а* в конструкциях *по силе того (сего, оногo, упомянутого и т. д.) указа* (26). Кроме того, словоформа *указа* употребляется в выражениях *требовать от пермского горного начальства указа, о получении сего указа* (2), *а означенного указа к счету сообщить не можно*. Окончание *-у* употреблено в четырех контекстах: *по силе того указу, по силе оногo указу, того ради указу, до получения на то указу*. Слово *год* в подавляющем числе случаев употребляется

в Р. п. с окончанием -у в позиции после числительного, записанного цифрами: например, *1740 году*. Часто после цифр пишется уточняющая форму числительного выносная *г* (под титлом или без). Таких словоупотреблений в памятнике 221, кроме того, 9 употреблений в конструкции *сега[ж] году* и один раз *того году*. В семи случаях вместо формы *году* употребляется форма на -а. Обращает на себя внимание тот факт, что в 6 случаях из 7 форма на -а в генитиве употребляется в копии документа, т. е. в ситуации ослабленного внимания, когда речевые привычки переписчика могут повлиять на установленную формулу.

Итак, материал «Столпа» подтверждает распространение генитива на -у среди существительных с несобственно конкретно-предметным значением – со значением отвлечённого действия или его результата, с вещественно-собирательным значением и с пространственно-местным значением, при этом большинство слов односложно или образовано от односложных девербативов.

Помимо генитива ед. ч., колебания наблюдаются и в генитиве мн. ч. Так, по сравнению с современной нормой, слово *рубль* стабильно имеет форму *рублев*, слово *подмастерье* – форму *подмастери*. Согласно В. М. Маркову, окончания на -ев и -еи сменяют нулевое окончание особенно интенсивно в XVIII в., однако в мягкой разновидности мужского склонения в качестве основной тенденции автор называет распространение окончания -ей и только в качестве варианта указывает формы на -ев для существительных ср. р. (*полев, морев*) [Марков, 1976, с. 153].

2.2.3. Соотношение альтернативных флексий локатива [The ratio of alternative ending of the Locative]

В памятнике лишь небольшое количество существительных имеет в М. п. окончание -у (из старого склонения на *ŭ). Подавляющее число форм локатива употребляется с исконным для основ на *ǫ или *ā окончанием -ръ (-е). Формы М. п. в «Столпе» употребляются только с предлогами *в, на, по, о / об, по, при*, беспредложного употребления падежа не зафиксировано.

С предлогом *в* употребляются словоформы *в указе* (6), *в августе* (2), *в анбаръ, в бергамтъ, в генваръ, в годе, в доимке* (3), *в доимкъ, в Екатеринбургхе* (2), *в записке, в июле* (2), *в июль, в июне* (2), *в казне* (14), *в кашнъ* (10), *в канторе* (21), *в канторъ, в книге* (20), *в книгъ, в марте* (5), *в меръ, в месяце* (30), *в началстве* (7), *в ноябре* (2), *в октябре, в остатке, в писме, в писмъ, в подставкъ, в покупке* (2), *в поруке, в приемъ* (3), *в приходе* (4), *в продаже, в расходе* (3), *в сборе* (4), *в указе* (3), *в числе* (3), *в числъ*. Кроме того, дважды зафиксировано выражение *ростиска в одном рубле* (2). В соответствии с классификацией Т. П. Ломтева, предлог *в* используется в памятнике для выражения значений места, времени и объекта, что обнаруживает соответствие его функций (в сочетании с М. п.) общерусским тенденциям этого периода [Ломтев, 1956, с. 293–335].

С предлогом *на* зафиксированы формы *на Акинфеъ, на Алъксъе, на Андръе, на Аникъ, на Афонасье* (2), *на Василье, на Григоръе, на Иване, на Иванъ* (3), *на Козъме, на Кондратъе, на коште* (2), *на Лазаре, на Ларионе, на Ларионъ, на Михаиле, на Матвъе, на Никите, на Обросимъ, на Осипе, на Павле, на Прокопъе, на Родионъ, на рукъ, на Симоне, на странице* (27), *на страницъ* (26), *на сыне, на Трофиме, на указе, на ученикъ* (2), *на Ягошихе, на Якове*. Согласно классификации реляционных функций Т. П. Ломтева, предлог *на* используется для выражения значений места и объекта [Ломтев, 1956, с. 309–312]. Отдельный параграф Т. П. Ломтев уделяет предлогу *на* для обозначения лица, «с которого устанавливаются те или другие поборы». Значение предлога фиксируется уже в древнерусском языке и сохраняется до петровских времён, а после выходит из активного употребления [Там же, с. 423]. Выводы Т. П. Ломтева полностью подтвержда-

ются данными «Столпа». Чаще всего предлог на употребляется в последней функции или в функции малефактива.

Предлог *о* (*об*) сочетается с формами *о приемъ* (20), *о приходе* (4), *о приходъ, о пригъме, о росходе* (5). Предлог, согласно классификации Ломтева, рано теряет пространственно-временное значение [Ломтев, 1956, с. 293–329], употребляется только в качестве делиберативного объекта [Там же, с. 415–416].

Предлог *по* входит в предложно-падежные конструкции *по приемъ, по приносе* и подтверждает данные Т. П. Ломтева, приписывающего этому предлогу в числе прочих временное значение [Ломтев, 1956, с. 353]. Предлог *по* с М. п. употребляется только во временном значении, передавая таксисное значение предшествования (называет событие, предшествующее ситуации, обозначенной сказуемым).

Предлог *при* употребляется с конкретно-предметными существительными, реализуя пространственное значение, сочетающееся с посессивным или партитивным ('рядом с чем + в ведении кого/чего'), или с девербативами, сохраняющими процессуально-событийное значение, выражая временную соотносительность (таксисное значение одновременности): ср.: 1) *при заводъ* (8), *при рудникъ* (15), *при сельъ, при дистрикте*; 2) *при выдаче* (8), *при выдачъ, при оковке, при покупке* (2), *при смъне, при указе*.

Окончание *-у* в М. п., как уже было сказано, встречается довольно редко. По наблюдениям Маркова [Марков, 1976, с. 56], оно фиксируется в форме *в сыску* и в выражении *в сем столпу*. Это окончание М. п. является преобладающим для лексемы *год*; ср.: *в прошлом 740м году, в котором году, в нынешнем 1741м году, в том же 1739, в 1735 году* и т. д., всего 33 словоформы. В единичных случаях обнаружены словоформы с окончанием *-е* (*в годе*).

Отдельного обсуждения заслуживает орфография окончаний Д. п. и М. п. с *-тъ* и *-е*. По данным В. В. Кавериной, в XVIII в. *тъ* употребляется очень широко [Каверина, 2010, с. 91], и материал «Столпа» это подтверждает. В то же время в Д. п. и М. п. достаточно часто пишется не *-тъ*, а *-е*, кроме того, зафиксированы единичные обратные замены (*писанныъ, доношениъ, за объ, ттъ*). Во всём «Столпе» *тъ* в Д. п. и М. п. ед. ч. употребляется в 301 словоформе, а *-е* в тех же падежах – в 423 словоформах.

По замечанию В. А. Мишланова, «соседство в каком-либо тексте написаний с буквами «ѣ» или «е» в одних и тех же корнях или аффиксах означает совпадение фонетического содержания этих букв и отражает «борьбу» фонетического и традиционного принципа орфографии» [Мишланов, 2009, с. 250]. Примеры подобной борьбы встречаются в «Столпе» не только внутри одного почерка, на одной странице, в одном абзаце, но и в одном и том же слове: *приемъ / приеме* (Л. 4).

Таким образом, и в Винительном падеже ед. ч. существительных ср. р., где *-е* исконно, и в Д. п. ед. ч. а-основ, где оно является орфографической инновацией, постепенно устанавливается общее окончание *-е*.

Однако следует отметить, что *-тъ* в окончании сохраняется дольше, чем *-тъ* в основах слов. Рассмотрим количественные данные по этому вопросу. Всего в «Столпе» встречается 950 написаний с буквой «ѣ», из них 400 написаний с «ятем» в окончании, остальные – с «ятем» в основе (в корне или суффиксе). «Ять» употребляется наряду с «есть» в личных именах *Алеѣтъи* (также *Альѣеи, Альѣтъи* и даже *Алеѣтъеи*), *Андрѣтъи, Еремѣтъи, Терентѣтъи*, а также в фамилиях *Бѣцких, Гилѣв, Дивликѣв* (также *Дивликѣтъв*), *Жаравлѣв, Матвѣв* (также *Матвѣтъв*), *Поспѣлов, Ремѣтников, Савѣлапин* (если это не Д. п. от Сава Лапин), *Фадѣв*. Доля написаний с «ѣ» в антропонимах по отношению к написаниям с «е» составляет 26%. Подробное соотношение представлено в таблице 3.

Кроме того, «ять» употребляется этимологически верно в словах с корнями *-бѣг-* (*убѣг, бѣжал*), *-вѣд-* (*вѣдатца, вѣдомство, извѣстия*), *-имѣ-* (*имѣющеися, имѣет, имѣетца*), *-слѣд-* (*слѣдствие, изслѣдовать, наслѣдник*). Помимо этого, «ять» употреб-

ляется этимологически верно в единично встретившихся словах: *вмѣсто, вѣсы, вѣчнодостоинныи, дѣль, дѣти, здѣсь, малолѣтнѡи, мѣха, невѣрность, нынѣшней, по-мѣта, свидѣтельство, смѣна и цѣна*. Доля написаний с «ѣ» в этимологически верных случаях в апеллятивной лексике составляет 7,3%. Соотношение этих написаний представлено в таблице 4.

Т а б л и ц а 3. **Количество написаний с «ѣ» и «е» в антропонимах, абс. ед.**
[Table 3. **Number of spellings with “ѣ” and “е” in anthroponyms, abs.**]

Слово (корень)	Всего, абс.	С «е», абс.	Доля написаний с «е», %	С «ѣ», абс.	Доля написаний с «ѣ», %
Алексей	143	101	70,63	42	29,37
Андрей	32	27	84,38	5	15,63
Еремей	2	1	50	1	50
Терентей	9	8	88,89	1	11,11
Бецких	6	3	50	3	50
Гилев	8	7	87,5	1	12,5
Дивликеев	24	13	54,17	11	45,83
Жаравлев	12	11	91,67	1	8,33
Матвеев	34	27	79,41	7	20,59
Поспелов	8	7	87,5	1	12,5
Ременников	3	2	66,67	1	33,33
Савелапин (?)	2	1	50	1	50
Фадеев	2	1	50	1	50
Всего	285	209	73,33	76	26,67

Т а б л и ц а 4. **Количество написаний «ѣ» и «е» в апеллятивной лексике, абс. ед.**
[Table 4. **Number of spellings “ѣ” and “е” in appellative vocabulary, abs.**]

Слово (корень)	Всего, абс.	С «е», абс.	Доля написаний с «е», %	С «ѣ», абс.	Доля написаний с «ѣ», %
-бѣг-/-бѣж-	7	5	71,43	2	28,57
-вѣд-	24	22	91,67	2	8,33
-имѣ-	44	28	63,64	16	36,36
-слѣд-	7	4	57,14	3	42,86
вмѣсто	6	4	66,67	2	33,33
вѣсы	1	0	0	1	100
вѣчнодостойный	28	24	85,71	4	14,29
дѣло	89	87	97,75	2	2,25
дѣти	1	0	0	1	100
здѣсь	10	8	80	2	20
малолѣтний	1	0	0	1	100
-мѣх-	26	25	96,15	1	3,85
невѣрность	1	0	0	1	100

Окончание таблицы 4

Слово (корень)	Всего, абс.	С «е», абс.	Доля написаний с «е», %	С «ѣ», абс.	Доля написаний с «ѣ», %
нынѣшний	8	2	25	6	75
помѣта	166	164	98,8	2	1,2
свидѣтельство	4	3	75	1	25
цѣна	237	236	99,58	1	0,42
смѣна	3	2	66,67	1	33,33
слѣпа	1	0	0	1	100
Всего	657	609	92,69	48	7,31

В словах с корнем *-вел-* и расширением *-ѣ-* писцы пишут «ять» как этимологически верно, так и ошибочно, в корне. Встречаются написания *велѣно*, *вѣлено*, *вѣлѣно*, *повѣлит*.

«Ять» пишется также в словах, которые в XVIII в., по данным «Словаря русского языка XVIII века», могли писаться двойко: *копѣика* (также *копѣя*, *ка*, *копѣек*, и даже *копѣеики*), *мѣлкои*, *немѣленно*. Доля написаний с «ятем» для слова *копейка* 19,3% (на материале 944 словоупотреблений), для слова *мелкий* 20% (на материале 5 словоупотреблений), в слове *немедленно* «ѣ» встречается 1 раз из 21 написания слов с корнем *-медл-*, доля написаний с «ѣ» в этом корне, таким образом, составляет всего 4,8%.

Кроме того, велико число ошибочных написаний «ять». Возможно, неслучайным оказывается появление этой буквы в суффиксе *-ениѣ-* в словах *опредѣлѣние* (при этимологически верном *опредѣление*), *правлѣние*, *объявлѣние* (ср. также *рудопромышлѣтник*): на выбор «ятя» в данном суффиксе могли оказать влияние девербативы с суфф. *-ниѣ-* от основ аориста на *-ѣ* (*бдѣние*, *видѣние*, *смотрѣние* и т. п.)

Ошибочно «ѣ» употребляется в словах с корнем *-леж-* (*надлѣжит*, *надлѣжало*), предлоге *бѣз* и в слове *бѣзопасность*, слове *дѣнги* (также *денѣг*, *денѣжной* и *дѣнѣжной*), *дѣвятъ*, *дѣсятъ*, *клѣи*, *крѣстьян*, *служитѣль*, *приѣм*, *рѣченныи* (также *речѣнныи*, при этимологически правильных *рѣчь*, *реченный*), *четвѣрть*. Доля «ятевых» написаний в этой группе слов немногим меньше доли написаний в этимологически верных случаях – 6,8%. Соотношения написаний представлены в таблице 5.

Т а б л и ц а 5. Количество ошибочных написаний «ѣ», абс. ед.

[T a b l e 5. Number of incorrect spellings of «ѣ», abs.]

Слово (корень)	Всего, абс.	С «е», абс.	Доля написаний с «е», %	С «ѣ», абс.	Доля написаний с «ѣ», %
-леж-	46	32	69,57	14	30,43
-вел-	119	102	85,71	17	14,29
-денѣг- / -денѣж-	429	406	94,64	23	5,36
-девят-	106	105	99,06	1	0,94
-десят-	95	93	97,89	2	2,11
клей	2	1	50	1	50
крѣстьян	96	87	90,63	9	9,38
объявление/ объявленный	94	93	98,94	1	1,06
правление	29	26	89,66	3	10,34

Слово (корень)	Всего, абс.	С «е», абс.	Доля написаний с «е», %	С «ѣ», абс.	Доля написаний с «ѣ», %
следствие	3	2	66,67	1	33,33
служитель	131	129	98,47	3	2,29
прием	46	45	97,83	1	2,17
реченный	49	47	95,92	2	4,08
рудопромышленник / рудопромышленичьи	11	10	90,91	1	9,09
четверть	244	242	99,18	2	0,82
определение	111	84	75,68	27	24,32
Всего	1612	1504	93,36	109	6,7

Таким образом, данные «Столпа» показывают, что процент употребления «ѣ» в окончаниях в этот период значительно выше, чем в основах. Представляется, что более долгое сохранение «ѣ» во флексии объясняется структурными причинами: стремлением системы не допустить (хотя бы и графически) омонимии «Д. п. – М. п.» на *-ѣ* и «И. п. – В. п.» на *-е*, хотя употребление форм типа *доношениѣ* свидетельствует о начавшемся в сознании писцов смешении букв «есть» и «ять» как грамматических показателей.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, были рассмотрены особенности форм косвенных падежей в деловом памятнике середины XVIII в., в частности, протекание процесса унификации форм мн. ч. в Д. п., Т. п., М. п., вариативность форм Д. п. и М. п. ед. ч., обусловленные распространением влияния *й*-основ на продуктивный класс *ѣ*-основ, а также соотношение орфографических вариантов флексий *-е* и *-ѣ* в Д. п. и М. п. Наиболее интересным результатом в ходе «а-экспансии» является нестандартное распределение продвижения флексии на *-а* в разных падежах $L > D > I$, а также почти равновесное положение старых и новых форм. Генитивная флексия на *-у* ожидаемо употребляется в существительных с несобственно конкретно-предметным значением (значением отвлеченного действия или его результата, причём преимущественно в односложных девербативах или их производных; вещественно-собирательным значением, пространственно-местным значением). Вместе с тем «Столп» обнаруживает дублетность форм на *-у* и *-а* в генитиве, а также ряд форм лексико-семантических групп с окончанием *-а*. Очень скупо отражено утверждение новых форм локатива на *-у* для существительных м. р., главенствующей флексией в этой форме остаётся *-е/-ѣ*. При этом показательным является почти равновесное положение флексий на *-ѣ* по сравнению с флексиями на *-е* в Д. п. и М. п. в свете невысоких показателей употребления «ѣ» в основах.

Библиографический список

- Баландина, 2024 – Баландина Е. С. Оценочность как способ моделирования пространства в географических очерках XIX века // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 5–14.
- Горшкова, 1978 – Горшкова К. В. История славянских числовых парадигм как сложное взаимодействие словоизменения и словообразования. М.: Моск. ун-т, 1978. 68 с.
- Горшкова, Хабургаев, 1981 – Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. 359 с.

- Живов, 2004 – Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М. : Языки славянской культуры, 2004. 655 с.
- Иорданиди, 1991 – Иорданиди С. И. Из истории форм творительного падежа множественного числа существительных в русском языке // Славянская филология. Имя и глагол в исторической перспективе. Рига : Латвийский ун-т, 1991. С. 132–153.
- Иорданиди, Шульга, 1981 – Иорданиди С. И., Шульга М. В. Морфологическое выражение категории рода в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. М. : Наука, 1981. С. 187–228.
- Каверина, 2010 – Каверина В. В. Становление русской орфографии в XVII–XVIII вв.: правописный узус и кодификация : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 44 с.
- Ломтев, 1956 – Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М. : Изд-во Московского ун-та, 1956. 596 с.
- Марков, 1974 – Марков В. М. Историческая грамматика русского языка: именное склонение. М. : Высшая школа, 1974. 143 с.
- Мишланов, 2017 – Мишланов В. А. О диглоссии жанров церковно-религиозного стиля русского языка // Жанры речи. Вып. 1. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2017. С. 160–171.
- Попов, 2024 – Попов Е. Ю. Тематические группы юридической лексики в документах Приенисейской Сибири XVII века // Вестник Приамурского гос. ун-та им. Шолом-Алейхема. 2024. № 1 (54). С. 68–71.
- Столп..., 2016 – Столп приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году / сост. Н. В. Чугаев. Пермь, 2016. 298 с.
- Шахматов, 1957 – Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М. : Учпедгиз, 1957. 401 с.
- Шульга, 1988 – Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1988. 38 с.
- Шульга, 2003 – Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М. : Изд-во Московского гос. ун-та леса, 2003. 302 с.

References

- Balandina, E. S. (2024). Otsenochnost' kak sposob modelirovaniya prostranstva v geograficheskikh ocherkakh XIX veka [Evaluation as a way of in-space modeling in geographical essays of the XIX century]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 5–14. (In Russ.).
- Gorshkova, K. V. (1978). *Istoriya slavyanskikh chislovykh paradigm kak slozhnoe vzaimodeystvie slovoizmeneniya i slovoobrazovaniya [The history of Slavic numerical paradigms as a complex interaction of inflection and word formation]*. Moscow : Moscow University Press, 1978. (In Russ.).
- Gorshkova, K. V., Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of the Russian language]*. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Zhivov, V. M. (2004). *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov [Essays on the XVII–XVIII centuries Russian language historical morphology]*. Moscow : Yazyki slavyanskoj kul'tury Press. (In Russ.).
- Iordanidi, S. I. (1991). Iz istorii form tvoritel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla sushchestvitel'nykh v russkom yazyke [From the history of the forms of the creative case of the plural of nouns in the Russian language]. *Slavyanskaya filologiya. Imya i glagol v istoricheskoy perspektive [Slavonic philology. The name and the verb in historical perspective]* (pp. 132–153). Riga : The University of Latvia Press. (In Russ.).
- Iordanidi, S. I., Shulga, M. V. (1981). Morfologicheskoe vyrazhenie kategorii roda v istorii russkogo yazyka [Morphological expression of the category of gender in the history of the Russian language]. *Obshch斯拉vianskiy lingvisticheskiy atlas: materialy i issledovaniya [General Slavonic linguistic atlas: Materials and research]* (pp. 187–228). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Kaverina, V. V. (2010). *Stanovlenie russkoy orfografii v XVII–XVIII vv.: pravopisnyy uzus i kodifikatsiya [The formation of Russian orthography in the XVII–XVIII centuries: Spelling usage and*

- codification]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Lomtev, T. P. (1956). *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka [Essays on the historical syntax of the Russian language]*. Moscow : Moscow University Press. (In Russ.).
- Markov, V. M. (1974). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: imennoe sklonenie [Historical grammar of the Russian language: Nominal declension]*. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Mishlanov, V. A. (2017). O diglossii zhanrov tserkovno-religioznogo stilya russkogo yazyka [On the diglossia of genres of the church-religious style of the Russian language]. *Zhany rechi [Genres of speech]*, 1, 160–171. (In Russ.).
- Popov, E. Yu. (2024). Tematicheskie gruppy yuridicheskoy leksiki v dokumentakh Prieniseyskoy Sibiri XVII veka [Thematic groups of legal vocabulary in documents of the Yenisei Siberia of the 17th century]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema [Bulletin of Sholom-Aleichem Priamursky State University]*, 1, 68–71. (In Russ.).
- Chugaev, N. V. (Complier). (2016). *Stolp prikhodnoy denezhnoy kazny Pyskorskoy zavodskoy kantory 1741 godu [Collection of cash receipts of the Pyskor factory office in 1741]*. Perm. (In Russ.).
- Shahmatov, A. A. (1957). *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka [Historical morphology of the Russian language]*. Moscow : Uchpedgiz Press. (In Russ.).
- Shulga, M. V. (1988). *Razvitie morfologicheskoy sistemy imeni v russkom yazyke [The development of the morphological system of the name in the Russian language]*. Author's abstract of Dr. in Philological sci. diss.; Lomonosov Moscow State University. Moscow. (In Russ.).
- Shulga, M. V. (2003). *Razvitie morfologicheskoy sistemy imeni v russkom yazyke: [Development of the morphological system of the name in the Russian language]*. Moscow : Moscow State Forest University Press. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.06.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 03.02.2025.
The article was submitted 16.06.2024; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 03.02.2025.